

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК (811.161.3+811.111)'42

Басовец Ирина Михайловна

докторант кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Irina Basovets

Post-PhD Researcher
of the Department of Theoretical
and Applied Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
basovets@list.ru

ЦЕНТРИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНАЯ МОДЕЛЬ ТЕКСТОВОЙ ДЕАВТОРИЗАЦИИ (на материале англо- и белорусскоязычных медиатекстов)

CENTRIC SUBJECT MODEL OF TEXT DEAUTHORIZATION (on the Material of English and Belarusian Media Texts)

В работе установлено, что субъектная референция является основой построения центрической субъектной модели текстовой деавторизации, которая характеризуется определенной комбинацией структурно-семантических и референциально-прагматических признаков. Определено, что центрическая субъектная модель отличается гибридностью референциальных характеристик субъектов, тематической общностью утверждений субъектных групп и комплексностью прагматических функций конструкций деавторизации при едином доминантном прагматическом векторе. Выявлены отличительные черты анализируемой модели в англо- и белорусскоязычном медиатекстах в отношении доминантного прагматического вектора и языковых средств кодирования периферийных субъектных компонентов.

Ключевые слова: текстовая деавторизация; конструкции авторизации; конструкции деавторизации; нереферентный субъект; центрическая субъектная модель.

The paper states that subject reference is the basis for constructing of the centric subject model of text deauthorization, which is characterized by a certain combination of structural-semantic and referential-pragmatic features. It has been determined that the centric subject model is distinguished by the hybridity of the referential characteristics of the subjects, the topic unity of the statements of the subject groups and the complexity of the pragmatic functions of deauthorization structures with a single

dominant pragmatic vector. The distinctive features of the analyzed model in English and Belarusian media texts are revealed in relation to the dominant pragmatic vector and linguistic means of encoding peripheral subject components.

Key words: text deauthorization; authorization structures; deauthorization structures; non-referential subject; centric subject model.

Изучение системных связей субъектных компонентов конструкций деавторизации в медиатекстах на английском и белорусском языках является актуальным, поскольку связано с проблемами достоверности сообщаемых сведений и возможности их верификации. Кроме того, участие универсальных механизмов субъектной референции с лингвокультурными особенностями вербализации источников информации в медиаполе представляется актуальным еще и в силу онтологической природы такой взаимосвязи и ее недостаточной изученности. Цель работы заключается в построении центрической субъектной модели текстовой деавторизации на материале англо- и белорусскоязычных новостных статей с выявлением общих и отличительных признаков. Использовались индуктивный метод, включающий наблюдение, анализ, сопоставление и классификацию языковых фактов; метод контекстуального, семантического и лингвопрагматического анализа; метод моделирования. Материалом послужили письменные газетные тексты информационного жанра на английском (газеты *The Guardian*) и белорусском (газеты «Звезда») языках. В результате анализа способов расположения субъектных компонентов конструкций деавторизации в новостных статьях обнаружены их системные связи, которые позволили сконструировать центрическую модель, состоящую из референтного и нереферентных субъектов.

Комплексное исследование субъектных компонентов конструкций деавторизации в публицистических и научных текстах на английском и белорусском языках проводилось в современном языкознании на уровне высказывания [1]. Переход от исследования деавторизации на уровне высказывания в текстовую плоскость был подготовлен рядом лингвистических исследований последних лет ([2; 3; 4] и др.). К примеру, текстостроительную функцию деавторизации отмечает С. В. Гричин: «неавторизованные высказывания, представляющие собой конститутивные части текста, чередуясь, генерируют новые смыслы, импликации, обуславливая тем самым дальнейшее развитие текста» [5, л. 149]. Одним из недавних

исследований, в котором упоминается «языковой механизм *деавторизации текста*», является диссертационное исследование Ю. Н. Драчевой на материале научно-популярных статей. Под языковым механизмом деавторизации текста автор понимает «внесение в текст установки на неопределенное авторство» и отмечает, что при освещении научных проблем в массмедиа «наблюдается тенденция нивелировать имена исследователей, ученых» и представлять их в весьма обобщенном виде, поскольку «медиаобраз тяготеет к ономастической концептуализации, отвечающей квазиэнциклопедичности подачи информации» и «стремлению к внешней достоверности информации», что и «требует сохранения некоторых семантических компонентов (например, указания на ученых без приведения фамилий конкретных исследователей и их трудов)» [6, л. 225–226].

Наблюдения за функционированием деавторизованных высказываний в пространстве целого текста позволяют зафиксировать не только их роль в развитии повествования, вычленив разные выполняемые ими прагматические функции и установить отличительные референциальные характеристики субъектов, но и обнаружить, что субъекты в конструкциях деавторизации зачастую расположены не хаотично, а образуют системные связи. Так, согласно нашим наблюдениям, в отношении англо- и белорусскоязычных текстов информационного жанра (новостные статьи) как в англо-, так и в белорусскоязычной медиакультурах используется одна из наиболее распространенных субъектных моделей текстовой деавторизации – **центрическая**.

Строение центрической субъектной модели текстовой деавторизации сначала покажем на примере англоязычной статьи «Starmer sells himself on stability – but does that benefit the country, or just business and elites?» ‘Стармер торгуется стабильностью – но приносит ли это пользу стране или только бизнесу и элитам?’ (здесь и далее перевод наш. – И. Б.) (The Guardian, 13 October 2023). Центрическая субъектная модель представляет собой системно-структурированное образование, включающее центральный компонент как связующий элемент модели, состоящей из конструкций авторизации, и несколько относительно самостоятельных компонентов, обеспечивающих раскрытие разных граней центрального компонента, включающих конструкции деавторизации, которые на схеме расположены по периметру.

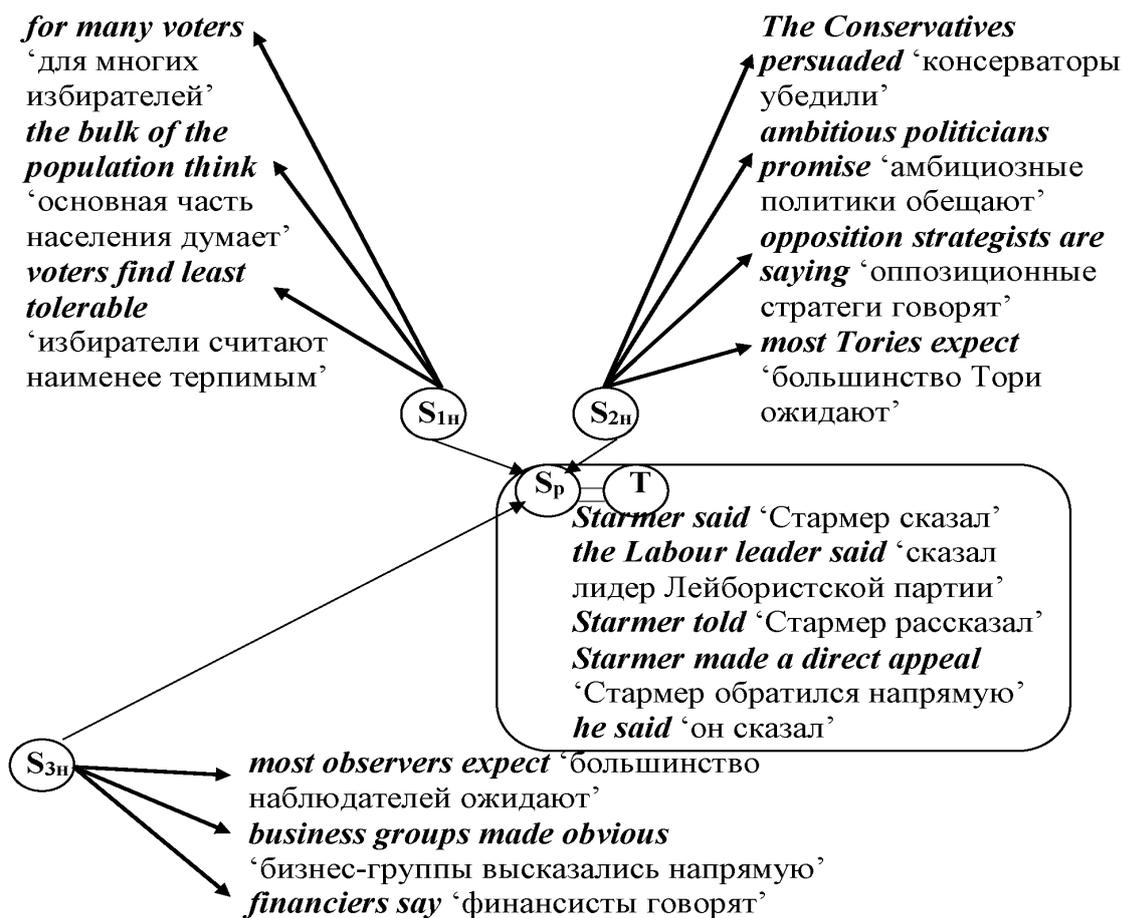

Рис 1. Центрическая субъектная модель текстовой деавторизации в англоязычной статье

Как показано на рис. 1, центральный компонент рассматриваемой модели представлен конструкциями с референтным субъектом – лидером Лейбористской партии, вокруг которого сгруппированы периферийные компоненты модели, которые включают нереферентные субъекты, принадлежащие к одной из следующих групп лиц, обнаруженных в статье: избиратели, бизнесмены, политические противники. Высказывания референтного субъекта как центрального компонента модели, обеспечивающие общую тематику обсуждений и представляющие новостной повод, влекут за собой вербальные реакции представителей периферийной области. Характер таких реакций в отношении высказанного референтным субъектом варьируется: от критических замечаний со стороны представителей политических противников, до поддержки со стороны избирателей или высказанных ожиданий со стороны бизнес-кругов. Доминантный прагматический вектор анализируемой статьи направлен на разностороннюю характеристику высказываний субъекта новостного повода с привлечением мнений разных сторон. С формально-грамматических позиций

модель демонструє наявність різних конструкцій деавторизації: предложно-падежних і глагольно-именних, в яких в якості суб'єктного компонента переважно використовуються повні референціальні вираження, кодуючі джерела інформації іменними в обобщено-збиральному значенні автономно або в поєднанні з визначниками (*many, most, bulk*). Отже, будова центральної суб'єктної моделі текстової деавторизації характеризується наступними ознаками: 1) гетерогенною природою референціальних характеристик: центральний компонент інкорпорує референтний суб'єкт, а відносно самостійні периферійні компоненти інкорпорують нереферентні суб'єкти; 2) неоднорідністю реалізуваних конструкцій деавторизації прагматических завдань (критика, підтримка, прогнозування) в межах єдиної інтенціональності; 3) тематическою общістю утверджень суб'єктних груп, об'єднаних навколо утверджень центрального суб'єктного компонента; 4) варіативністю структурної організації і змістово-смыслової наповненості конструкцій.

Сопоставлення будови центральної суб'єктної моделі текстової деавторизації в білоруськомовній медіакulturі з розглянутою вище англійськомовною дозволяє виявити як схожі, так і відмінні риси, які ми проілюструємо на прикладі статті «Брудні Гарі. Чим шакіравалі скандальні мемуари британського принца» (Звезда, 15.01.2023).

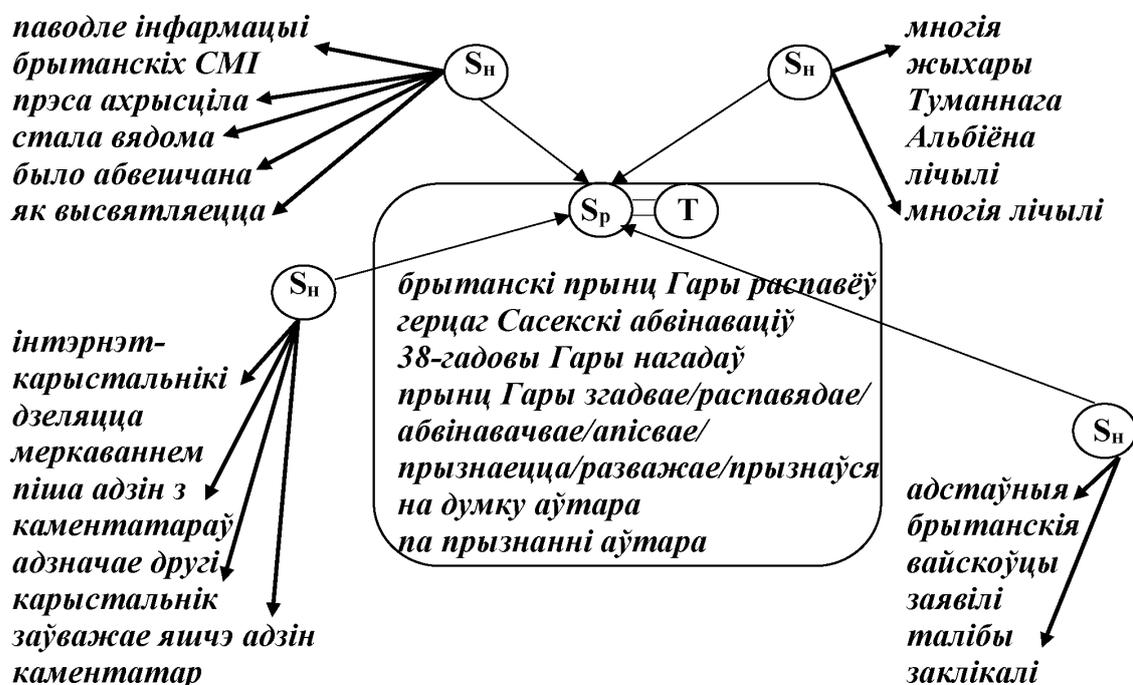

Рис 2. Центрическая субъектная модель текстовой деавторизации в белорусскоязычной статье

Как показано на рис. 2, конструкции деавторизации, расположенные в разных частях статьи, служат основой для четырех относительно самостоятельных компонентов, сгруппированных по критерию семантической близости и нереферентности субъекта в конструкциях деавторизации. В составе глагольно-именных или предложно-падежных конструкций деавторизации субъекты кодируются полными именными группами, а в бессубъектных конструкциях деавторизации субъекты соотносятся с «третьеличным нулем» (термин Е. В. Падучевой, под которым понимается «подразумеваемое подлежащее (нулевой субъект) 3-го лица, который относится к разряду субстантивных нулевых знаков» [7, с. 28]). Количество компонентов модели соответствует числу представленных в статье маркированных вербальных реакций нереферентных субъектов (представителей разных групп общества, а именно: прессы, жителей Великобритании, интернет-пользователей и участников военного конфликта в Афганистане) на высказывания референтного субъекта (британского принца Гарри). Отобранные вербальные реакции из всего многообразия существующих альтернатив и дальнейшая экспликация мыслительной операции выбора журналиста-автора в данной субъектной модели имеет последовательное текстовое воплощение и отражается в смене субъектных компонентов в конструкциях деавторизации. Последовательно презентованные в тексте вербальные реакции обобщенных или неопределенных субъектов представляют собой критические замечания и комментарии в отношении высказанного конкретным субъектом, что позволяет выделить общий прагматический вектор пропозиций, подаваемых от имени нереферентных субъектов. Очевидно, что строение центрической субъектной модели текстовой деавторизации отличается дискретностью и производится по принципу противопоставления центрального компонента, инкорпорирующего референтный субъект, с одной стороны, и относительно самостоятельных компонентов, инкорпорирующих нереферентные субъекты, с другой (S_p vs S_n). Отметим, что в анализируемой статье центрическая субъектная модель не сопровождается эксплицитной оценкой журналиста в отношении вербальных реакций обобщенных или неопределенных субъектов, однако на уровне отбора комментариев может трактоваться как имплицитно критическая на основании того, что в тексте статьи не представлены мнения тех, кто поддерживает британского принца. В таком случае конструкции деавторизации выступают в качестве метатекстовых показателей, отражающих в статье динамику авторского замысла – осветить разностороннюю критику на новостной повод. Эксплицитная

авторская солидаризация или несогласие возможны в медиатекстах, когда журналист из всех представленных альтернатив акцентирует собственную позицию при помощи языкового средства, например, оценочного прилагательного или наречия. В любом случае экспликация обобщенных точек зрения и их маркирование посредством конструкций деавторизации может сопровождаться или не сопровождаться авторской солидаризацией или критикой транслируемых альтернатив. В результате сравнения строения центрической субъектной модели текстовой деавторизации в двух медиакультурах общими оказываются следующие признаки: а) гетерогенность референциальных характеристик центрального и периферийного субъектных компонентов; б) тематическая общность утверждений субъектных групп как реакций на новостной повод. Различия фиксируются в 1) прагматическом векторе: в англоязычной новостной статье представлена разносторонняя характеристика, а в белорусскоязычной статье односторонняя; 2) большей вариативности структурной организации и содержательно-смысловой наполненности конструкций деавторизации: в белорусскоязычной статье дополнительно используются бессубъектные конструкции и нереферентные неопределенные субъекты.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что субъектная референция является основой построения центрической субъектной модели текстовой деавторизации, которая характеризуется определенной комбинацией структурно-семантических и референциально-прагматических признаков. В англо- и белорусскоязычных медиатекстах смена субъектных компонентов конструкций авторизации и деавторизации, объединенных тематически и структурированных в соответствии с авторской интенцией в текстовой плоскости, является результатом рефлексии журналиста-автора в отношении фрагмента действительности (высказываний референтного субъекта как предмета новостного повода) и маркирует границы сообщаемой нереферентными субъектами информации. Центрическая субъектная модель отличается гибридностью референциальных характеристик субъектов (референтный центральный компонент против нереферентных периферийных компонентов) и комплексностью прагматических функций конструкций деавторизации при едином доминантном прагматическом векторе. Для реализации доминантного прагматического вектора в англоязычном медиатексте используется разносторонняя характеристика центрального компонента модели и гомогенный характер языковых средств кодирования нереферентных субъектов посредством обобщенных номинаций, в то время как для белорусскоязычного медиатекста свойственно

одностороннее освещение вербальных реакций на речевые действия центрального компонента модели и гетерогенность в отношении языковых средств кодирования периферийных субъектных компонентов посредством обобщенных, неопределенных номинаций и третьеличных нулей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Басовец, И. М.* Деавторизация высказывания в публицистических и научных текстах на материале английского и белорусского языков : монография / И.М. Басовец. – Саарбрюккен : LAP LAMBERT Acad. Publ., 2014. – 176 с.
2. *Кормилицына, М. А.* Синтаксические способы деавторизации информации в современных СМИ / М. А. Кормилицына // Вопросы культуры речи. – М., 2007. – Вып. 9. – С. 243–249.
3. *Копытов, О. Н.* О тексте современных СМИ: взгляд со стороны модуса / О. Н. Копытов // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2014. – № 1 (27) – С. 16–27.
4. *Курьянович, А. В.* Правовые риски и тактики ухода от них в условиях сетевой вербальной интеракции (на материале эпистолярных электронно-медийных текстов) / А. В. Курьянович // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2016. – Вып. 11 (176). – С. 9–16.
5. *Гричин, С. В.* Авторизационная модель научного текста : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / С. В. Гричин. – Томск, 2017. – 347 л.
6. *Драчева, Ю. Н.* Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивно-языковые механизмы : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Ю. Н. Драчева. – Вологда, 2019. – 575 л.
7. *Падучева, Е. В.* Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. – 2012. – С. 27–41.

Поступила в редакцию 23.11.2023